

«МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО КАК ЕСТЬ ПУТЬ ЧАЯ ИЛИ ПУТЬ САМУРАЯ,
ТАК ЕСТЬ И ПУТЬ ПОЭЗИИ...»

Из переписки **Андрея Таврова** и **Николая Болдырева**

Публикация Николая Болдырева

От публикатора: Мне посчастливилось в последние десять лет жизни Андрея Таврова находиться с ним в дружеской переписке, начатой, кстати, им. Думаю, это общение было плодотворным для обоих. Прежде всего не столько даже из-за тонко укрытого нерва полемичности в разговоре на тему, что есть поэзия и чему она служит, сколько из-за нашего взаимного натиска на эту тему, где мерилом была доверительность, но ни в коем случае не интеллектуализм. Для меня Андрей Михайлович был не просто выдающимся поэтом со своей оригинальной эстетикой, но духовным искателем, всерьез пытавшимся обрести в литературе бытийное основание и высший смысл, от чего давно уже все отступились, приняв словесность в качестве изящной игры и способа едва ли не гедонистического самоутверждения.

Предлагаю читателям «Волги» фрагменты нашей обширной переписки. Письма АТ публикуются с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Андрей Тавров

28 января 2015 г.

Николай Федорович!

Если б Вы знали, как я Вам благодарен за посылку! (Семитомничек переводов из Рильке с моими комментариями. – Н.Б.) Рильке тянет меня как магнит, начиная с 10-го класса, когда одна моя знакомая показала мне в журнале «Смена» переводы своего друга из Рильке и, увидев сравнение лепестков розы с веками, я почувствовал восторг и зависть, почему-то к переводчику (ну, это, впрочем, понятно по ситуации). Мне кажется, что некоторая «недоведенность» (а что мы довели до идеала?) не помеха тому духовному контакту, который я испытываю почти каждый раз, когда читаю Ваши статьи и книги. В сочетании с поэзией Р. эти Ваши «рабочие тетради», предвещающие более крупный замысел, в котором от сердца желаю Вам успеха, для меня чрезвычайно интересны.

Надо сказать, что Вы побудили меня с новым интересом обратиться к Целану, мне хотелось бы прочитать что-то из Вами написанного на эту тему, но на Вашем сайте я специальной статьи о Целане не нашел. Может быть, плохо искал... подскажите, пожалуйста, если такая имеется. Послесловие переводчиков, заключающее большое издание Целана с письмами (Ад маргинем, 2008) на меня внятного впечатления не произвело – как и в случае с Рильке, мне кажется, Целан понимается ими больше с филологической, чем с более глубокой точки зрения. <...>

Ваш Андрей.

29 января 2015

Дорогой Николай Федорович! Спасибо за Целана, читаю. В последние несколько лет на меня произвели большое и радостное впечатление книги Тик Нат Хана, современного буддийского автора, родом из Вьетнама. Еще одна прекрасная книжка, которую я недавно прочитал – Тон Латхауэрс, голландец и европеец по воспитанию, практикующий дзен. Там есть активный диалог с русскими авторами – Шестовым, Достоевским, а также с Кьеркегором, мягкий глубокий подход практикующего. Это я делюсь с Вами.

То, что Вы пишете на Вашем сайте об изобилии культурных реалий в Проекте (Имеется в виду книга «Проект Данте» – Н.Б.), словно спешащих вытеснить одна другую (примерно так) вызвало у меня желание немного объяснить ситуацию. Для меня уже давно стало ясно, что и в религии, и в других важных сферах жизни цитата как таковая является средством подмены. Наиболее показательно это видно на примере священников, которые, цитируя святых отцов или Евангелия, сами не соответствуют тому, что предлагают слушателям как пример для поведения, жизненную парадигму. В одном из первых своих высказываний на эту тему я даже написал, что цитата ведет в церкви жизнь антихриста, обесценивая духовные практики. Менее заметна роль культурной цитаты в литературе – мы привыкли к тому, что, начиная с первых шагов русской литературы – Третьяковского, Державина, цитата необходимо присутствует в их творчестве как органическая составляющая. Далее, в век постмодерна, она становится необходимой составляющей «университетской поэзии», да и любой другой, претендующей на современность. И тут она становится цитатой в чистом виде – думаю, что с оттенком того же свойства, что и цитата-Антихрист. Но существует одна тонкость. Цитата в Церкви перестает быть цитатой, когда она «раскавычена». Каким образом можно это сделать? Думаю, что весьма определенным, хоть и не простым – осуществить в жизни то, о чем речь идет в цитате. Если в проповеди говорится «блаженны нищие духом», то проповедник раскавычивает цитату, рассказывая, как именно он практикует «нищету духа», делась опытом, и тогда цитата становится не «частью речи», а частью жизни.

Она раскавычивается.

Думаю, что и среди культурных ссылок в поэзии – всех этих имен, скрытых или явных цитат возможны именно эти два подхода – цитатность или экзистенциальность. Для меня, например, цитатность в поэзии неприемлема. Для меня, скажем, Франциск или Гроссетест ближе к слову черепаха или ручей, чем к информативному или цитатному присутствию. Для меня и черепаха, и Кавальканти – один, что ли, материал, и явление культуры, как в Китае или в старинной Японии, неотделимо от природы, является святой частью святого и живого, смыкается и отождествляется с явлением культуры, увиденной не поверхностно. Ду Фу здесь, конечно же, ближе к дереву, чем, скажем, к университету, чем к сегодняшнему европейскому роману. Возникает вопрос, как снять кавычки с Данте или с Лао-Цзы и стоит ли упоминать подобные имена столь часто? Здесь я не могу ничего утверждать, но думаю, что такие имена у меня ближе к некоторым универсальным иероглифам, которые Я ПО-ДЕТСКИ ПРИДУМАЛ сам для себя для обозначения некоторых глубоких ситуаций и эмоций, которые я пережил в связи с этим именем и которые теперь я переживаю снова. Например, когда меня забрали прямо с платформы Перedelкино, и я отсидел в КПЗ три часа, меня очень заботило, как бы милиционеры не залезли в сумку (дело было в СССР) и не обнаружили там ксерокопию Жизнеописания Будды и другие, куда более одиозные по тем временам книжки. Все это входит в некоторую авторскую внутреннюю форму слова-имени, которую я не дешифрую, но которая, мне кажется больше не цитатна. Тут есть о чем говорить дальше, но я пока что ограничусь сказанным.

Понимаю, что в моей книге много погрешностей, но для Вас мне хотелось бы уточнить мой подход к сути дела в надежде как-то высветлить текст. Смех Бодхидхармы – конечно же, но и плач, и пение этих культурных имен-иероглифов. Плач от их угасания и пение все еще – животворящее. Тем не менее, я вполне разделяю Ваши наблюдения по поводу литературной аскезы, если можно так выразиться.

Спасибо Вам большое за Ваши высказывания в «Дневнике» (их мне переслали знакомые) по поводу «Матроса» и «Проекта».

Ваш А.

Николай Болдырев

30 января 2015

Дорогой Андрей Михайлович! Я внимательно прочел Ваш комментарий к вашему методу, и он мне понятен и вполне симпатичен: так мне, по крайней мере, кажется. Растворить в себе некий

чужой опыт (войти в соприкосновение с будто бы чужим) и выйти из него непогрешенным и несогбенным – высший пилотаж, своего рода аскеза, хотя это и всего лишь плавание к самому себе. Но вот Вы сказали «нищета духа». У одного богослова я прочел, что в оригинале исходное понятие было не собственно дух, но то, что, скажем, дух в немецком слове Geist – это больше ум, а если и духовное, то в смысле интеллектуальном и разумном, но никак не в том, в каком его употреблял, скажем, Серафим Саровский, когда говорил о «стяжании духа святого»: о таинстве присутствия говорил, об открытости той святости мира, которая всегда здесь в качестве таинства спонтанного диалога, говорил о той кротости и отпущении на волю своего эго, когда обретается как раз нищета умствований. Но не стоит ли за всей современной ситуацией как раз этот самый главный грех: стяжание духа как умствований? Если одна часть общества стяжает деньги, золотого тельца в прямом и примитивном смысле слова, то вторая стяжает «духовные блага». Но поскольку дух по природе своей не причастен к этому измерению душевной жизни, существуя лишь там, где эго «выведено за скобки», то стяжать можно лишь интеллектуальное. Так что я бы переписал «блаженные нищие духом» в «блаженны нищие умствованием» и делу конец.

Кстати, Киркегор (а затем и Швейцер) бросили пасторскую должность именно по причине катастрофической опасности и бессмыслицы проповеди «истины Христа», не будучи самому в истине. Ведь это, если память не изменяет, именно Сёрен сказал гениально: «истину нельзя знать, в ней можно быть или не быть». Что очень рано поняли и Швейцер, и его ровесник Рильке. Сегодня мир разделен именно по этой границе. Вы ведь об этом и пишете: поэт – тот, кто *бытийствует* в слове, а не оперирует значениями. Конечно, вы вправе ожидать от читателя того же естественно-природного чувствования реалей, пришедших формально из текстов. Но здесь встает глобальная проблема современного «образования» притом виртуального пошиба. Поле поэзии и прозы перенасыщено нерастворенными в авторской душе знаками, знаками его «начитанности» и нахватанности. *Образованец* демонстрирует (и прежде всего себе) свою «причастность» к тотальному обладанию «всем», т.е. всем универсумом знаний. В то же время людей, способных вписать культурные реалии в свою экзистенциальность (способных экзотические слова вполне этически естественно поставить рядом, скажем, со словами «топор» и «унитаз»), – единицы. Здесь часто бываешь «на автомате» насторожен против виртуальных фокусов, самозащищаешься. Лично я склонен видеть эту опасность столь обнаженно и столь «наивно», что мне, например, кажется блефом, если поэт, никогда не видевший плуга, пользуется этим словом так, будто стоял за ним, или словом подпасок – так, словно был когда-то подпаском. На мой взгляд, он имеет право (этико-экологическое право) пользоваться этими словами именно в контексте лишь виртуального о них знания... Я бы хотел (как какой-нибудь Савонарола), как бы это ни казалось смешно, укоротить блефующий пыл современного человека, держащего «демиургически» возвыситься над реальностью, то есть подмять ее и забыть про нее. Ведь что такое «плуг» или «подпасок»? Это цитаты из мира, где поэт уже не бывал. Но как их вывести из цитатности? Ввести в свою бытийность. Последуй человечество этому принципу, чуть ли не мгновенно очистились бы авгиевы конюшни культуры. Разумеется, это было бы обрушение принципов так называемых «прав личности» и «свободы слова», так как они существуют исключительно в эстетической парадигме. А она-то как раз оказалась бы обрушена, ибо ее принцип – играть словами и в слова.

Когда Данте или Лао-цзы пережиты вами «по-детски», тогда они становятся частью ваших тактильных ощущений, той причастностью к нашему донцу-атману, куда стекаются все праинтуиции. Конечно, чуткий читатель это почувствует, но не обязательно сам окажется в присутствии. Требуется еще и наличие подобного опыта присутствия. Конечно, опыт таких сугубо экзистенциальных состояний «присутствия», о которых Вы пишете, остается в поэте подобно фактам, которых вовсе не требуется «разъяснять». Интуиция читателя, обладающего подобным опытом, совершит нужный прыжок. «Авторская внутренняя форма слова-имени», о которой Вы пишете, весьма сильна, кстати, у Целана. Он откровенно (как бы) не озабочен тем, чтобы быть понятным или даже понятым. Он просто-напросто открытым текстом крайне эскизно описывает свои душевные, экзистенциальные или метафизические переживания – записывает так, как пишут в

дневнике, который ведут действительно и на полном серьезе *только для себя*. (Хотя без частицы иронической дистанции тут обойтись невозможно). Зачастую его стихи весьма прямолинейно-просты в психологическом смысле, если знать биографическую составляющую их возникновения. Но поэт, разумеется, комментариев не давал, и зашифровка получалась серьезная, стихи вставали как парабола или фантастическая метафора или еще что. В этом смысле он действовал в русле позднего Рильке, который почти совершенно забывал о читателе, фактически выводил его за скобки, хотя и писал весьма внятно. В этом одна из прелестей целановского метода дыхательности. Там, конечно, есть важные коррективы этико-метафизического замеса, но это был бы долгий разговор.

Однажды я в живом журнале «Русского Гулливера» прочел подряд три ваших стихотворения именно-таки в стиле «Проекта» и они меня покорили моментально, я пришел в восторг, прочитав на единой вертикальной волне как неразмыкаемую целостность. Вот после чего я заказал книжный вариант «Проекта Данте». Там, в книге, мое восприятие раздвоилось: иногда я попадал в то же поле, а иногда застревал. В один из моментов застревания и написал в дневнике эту реплику. Для чтения «Проекта» нужно поистине освобожденное внутреннее пространство, нужен благоприятный настрой. Мое чтение *Проекта* еще далеко до вхождения в то состояние, которого он заслуживает. Что у нас есть кроме внимания? Лишь *качество* внимания определяет, что именно нам открывается. <...>

Ваш НБ.

Андрей Тавров

30 января 2015 г.

Дорогой Николай Федорович!

Я с радостью читал Ваши строки почти как свои собственные – настолько они мне близки и понятны. Спасибо за столь созвучное письмо, оно поддерживает и вдохновляет, не говоря уже об открытом усилии к пониманию довольно-таки плотных строк Проекта.

Надеюсь написать Вам поподробнее об «основных созвучиях» и не только – сейчас, после похода к зубному и антибиотиков, это несколько затруднительно, к сожалению.)

Ваш А.

16 февраля 2015 г.

Вторую неделю я читаю Рильке в Ваших переводах, и так сложилось, что начал с его «статей о Боге». Я благодарен Вам за ту атмосферу чистоты и углубленности, в которой оказался, как благодаря автору, так и (не менее того) комментатору и переводчику. Статья о Целане также произвела на меня сильное впечатление, за что отдельная благодарность.

Рильке, действительно, становится ближе и родней в результате такого чтения – но вот что предварительно мне хотелось бы сказать. Те обвинения, которые Рильке предъявляет христианству, направлены, конечно же не на Христа и не на его слова. Иисус многого не произносил из того, что произнесли потом богословы и церковные люди, проецируя на немислимое, доминировавшее в его словах, свое мыслимое с акцентом на мысль и логику. Мне кажется, что и к «логосу-слову» подход должен быть более осторожный, во всяком случае не отождествляемый с «креативной проективностью». Скорее, если уж отдавать предпочтение Ветхому Завету, это понятие (а нам невольно приходится говорить о «понятиях», а не о Христе) располагается ближе к «слову» Псалмов (которое пребывает между людей как и закон буддизма), чем к греческой философии.

Если Вы когда-нибудь рассматривали Древо Сефирот – великолепный словарь символов и живых богов-сил для поэта – то могли бы обратить внимание на то, что анонимные создатели поместили Христа в центр, в сферу «Солнце», которое взаимодействует и с землей и с неизреченным (Айн-Соф), откуда приходит Творение. Но поскольку Творение осуществлено отчасти вне времени, то говорить о проекции Логоса не предполагается возможным, потому что в Древе

все сразу и во всем, пока не вмешивается мысль. К тому же Бог трогает человека, но и трогается человеком и это обратное творчество тоже происходит вне времени, как и вся голографическая и факральная картинка-карта Древа. На мой взгляд, в Христе есть что-то утонченно-простецкое (вернее в молитвенном отношении к нему, которое его и выявляет), что-то опережающее мысль и время. Современная церковь, да и предшествующая ей во многом, это то место, на мой взгляд, где искать Христа труднее всего, во всяком случае, имея в виду тех, кто ее структурно определяет. «Молодой рабочий» пишет о потусторонности христианства, и он, вероятно прав, но мне не кажется правильным утверждать то же самое, имея в виду пророка из Назарета. Он любовался цветами, говоря, что они красивей Соломона, созерцал птиц, оплакивал родной город, а о запредельном говорить часто отказывался, как и Конфуций: «я вам говорю о земном и вы не понимаете, как же вам говорить о небесном?» (Иоанн, кажется). Мне кажется, что образ Христа так искажен, как никакой другой на сегодня, и поэтому меня радуют такие книги, как например, книга Тик Нат Хана, современного буддиста из Вьетнама, о котором я Вам писал, «Христос и Будда – родные братья». Я же, читая Рильке, с радостью отмечаю те места, где его интуиции сходятся с евангельскими (в моем личном, естественно, понимании) и слежу, как растет это тонкое здание единства, где ничто не мешает ничему. Мне очень помогли Ваши размышления по поводу «Прибытия», вещи для меня (не владеющего немецким) крайне зашифрованной вдобавок теми переводами, с которыми приходилось иметь дело. У меня сейчас забытое чувство радости чтения – прочитал всего одну книгу! – остальные меня ждут и я предвкушаю радость общения с ними.

Ваш А.

Николай Болдырев

17 февраля 2015

Дорогой Андрей Михайлович, я совершенно с Вами согласен, что Рильке рассматривает Христа, «оприходованного» практическим богословием (и вполне понимает это, хотя никогда специально об этом не говорит), а реального Христа (насколько мы можем Его представить и ощутить) как реального мистика понимали именно на Востоке, ставя его в ряд аватар. Именно Восток имел верную интуицию Логоса, не определяя его терминологически, но созидая ощущение его косвенными способами, близкими к интуициям Дао и к другим «дхармическим» структурам, где слово ни в коем случае не ассоциируется с логикой в европейском смысле. Не случайно даже Ницше называл Христа мистиком в некоем высочайшем смысле слова. Реального Христа европейская прагматичная элита уж точно никак не смогла бы использовать в практических своих целях.

У меня не было задачи как-то высказываться по поводу личных интуиций, связанных с образом Христа. Мне надо было лишь хотя бы очень грубо набросать эскиз некоторых важных приятий и отрицаний Рильке, у которого была своя глубоко интимная история с Христом, которую, он, конечно, не пытался обнародовать. Скажем (один из нескольких моментов), его очень отвлекала от фигуры Христа мать; ее патетико-интеллигентская, экзальтированная набожность, с культом Христа, действовала ему на нервы. В ее безоглядном «иномирии», оторванности от «святости земной» он видел и чувствовал фальшь и ложь, когда земное предается, как ближний предается во имя дальнего. Мне кажется, с детства Рильке вынес отвлечение к громоздкой и напыщенной словесной конструкции христианства. Конечно, Христос в качестве Бога для кого-то факт, не нуждающийся ни в каких доказательствах. Так что тут логика и богословие не помогут. Для Рильке важна не конструкция и не идеология той или иной религии, а реальная фактичность «бытийных монад» и «бытийных происшествий». Его трогал Франциск, некоторые другие святые. Но характерно, что Христа он обходит даже в «Часослове», словно бы его божественность была для Рильке неубедительна, и здесь мы просто перед фактом внутреннего видения, где божественное всегда не там, где его пытаются обозначить этим словом. Вероятно, Христа пытались ему навязать в качестве чего-то обязательного, и ребенок в нем это не принял.

Актуальным для Рильке всегда и неизменно была трансценденция, ее опыты. В реализации

ее он и становился постепенно мастером и магом. Равновесие и равноправие миров – вот один из важнейших пунктов его личного катехизиса. Ни тот мир не высший и наш не низший, но они оба сосуществуют лишь в актуальности наших переходов туда и обратно, в актуальной динамике нашего их претворения в реторте духовной плавки, где топливом служит неизменная сила благоговения, ибо в «реальности» они вдвинуты друг в друга и друг без друга бессмысленны в каком-то непостижимом наивысшем «смысле».

Логос как первомантра тоже трактовался бесчисленными способами, иное дело, что постепенно мистические энергии в нашем его (коллективном) восприятии обессилены, так что фактически мы имеем сегодня подмены как в случае с Христом, так и в случае с Логосом, что в каком-то смысле было и есть одно. Разумеется, логос изначальный не мог быть связан с функциями и логикой нашего интеллекта, но являл себя в измерении вневременном и в том святом, в котором только и происходят все подлинно важные онтологические события (хотя и масло масляно, но именно так). В свое время меня поразили Бёме своим необычайно смело-естественным восприятием мистической целокупности Христа как вписанного во всю бездонно-безбрежную космогонию. Мне даже показалось, что он заново изобрел каббалу, на свою особицу, и его мировое мистическое древо (в поэзии Рильке постоянно присутствующее, но без отсылки к Сефирот) непостижимым образом вписалось (внутри его духа) в конкретику этического закона Христа, так что этика оказывалась главным измерением в мировом растении. Так вот туманно я вспоминаю впечатления тех давних лет. <...>

27 февраля 2015

<...> Что касается Рильке, то хотя он и жаловался постоянно Лу Саломе на свое невежество и на жажду образовываться, фактически же он обладал отменным инстинктом «дикого зверя», страстно подчиняясь интуициям, в отношении которых все время шел вглубь и вглубь, в ту дремучую пред-рожденность, где наша потенциальность хранит память того грандиозного срыва/перехода из бытийного измерения святости (эдемский сад) в интеллектуально-счетную вселенную, объятую воистину пьяным пафосом познания Всего.

Андрей Тавров

28 февраля 2015 г.

Дорогой Николай Федорович, Ваши письма я получил и очень им рад. Мне совершенно близки Ваши мысли по поводу христианства Рильке, думаю, что и в наше время все затруднительнее становится называть себя христианином на фоне столь успешно торжествующей Православной церкви, во всяком случае, лично мне. Спасибо за фотографии. <...> Я на днях напишу более обстоятельное письмо, в частности по поводу чтения Элегий в Вашем переводе – столь решительно внятном и убедительном. Думаю, что Вы проделали огромную и бесценную работу в плане идентичного переноса Рильке на русскую почву. Сама форма переводов, окруженных столь уместным комментированием и другими документами – чрезвычайно удачна и Вы это делаете с невероятной чуткостью и вкусом, я это заметил еще при чтении Ваших антологий по Дзэну и И-цзину. Мое путешествие с Рильке с Вашей подачи продолжается. Сегодня воскресенье и намечен ряд дел, я не прощаюсь, вернусь к письму чуть позже, хотелось бы поделиться с Вами одной идеей.

Ваш А.

2 марта 2015 г.

Дорогой Николай Федорович!

То, что Вы пишете о произвольной этической доминанте в поэзии как условии для существования самой поэзии, для меня понятно, близко и несомненно. Вне этики поэзия (как и проза) теряет внутреннюю энергию, свернутую внутреннюю пружину и превращается в одну из форм (не

самую интересную) игры в бисер. И понятно, что такие поэты, как Гельдерлин, Рильке, Тракль, – утверждают прежде всего этический приоритет поэзии, через переживание которого им дано (и они приглашают читателя присоединиться) заглядывать в начало-начал, в область бесконечной и внесловесной потенциальности, которая является родиной и источником жизни и сил для любого, вне зависимости от того, ведает он об этом или нет.

Но мне хотелось бы сказать пару слов в защиту «индивидуалистической поэзии», не споря с Вами, а скорее, делаясь своими соображениями по этому поводу. Такие поэты, несомненно разные, как Лорка, Цветаева и, скажем, Есенин, при всей их непохожести, тем не менее имеют одну общую составляющую их лирики, которую Лорка называл дуэнде, Цветаева – огонь, а Есенин, кажется, и не называл никак, но этой составляющей, которую чаще всего именуют словом «вдохновение», обладал вполне. Я перечислил первых пришедших на ум поэтов из тех, чье творчество Вы относите к эстетическому по своей природе (индивидуалистическому). Я совершенно согласен с Вами, что именно в поле это-поэзии рождается наибольшее количество замкнутых на себе, ярких, но безжизненных поэтических образцов, не говоря уже просто о скучных стихах скучных авторов. Эта неинтересность происходит, как мне кажется, от невозможности для автора выйти с поверхности вещей и ощущений, вызванных собственно поверхностностью эгоистического, эгоцентрического мироощущения, невозможностью, в силу этого мироощущения, добраться до глубины-глубин, откуда и происходит магия и волшебство поэзии. Когда контакт с этим изначальным источником, предшествующим слову, достигнут в процессе творчества и осуществлен в стихотворении, оно начинает жить вполне безусловной жизнью. Оно сильно отличается от «обусловленных» поверхностными мышлением и порывом стихотворений, спеленатых привычными конвенциями, модой, концептами, наработанным языком и т.д. В них есть абсолютная новизна, абсолютное прибавление жизни к жизни, то, что Рильке называл преобразованием вещей и земли.

Тут я подхожу к своей основной интуиции. Мне кажется, что вдохновение – это (далеко не всегда) та священная сила, действие которой в поэте несомненно вызывает связь пишущего с изначальной глубиной вещей и вообще, форм, той глубиной, откуда само это вдохновение пришло. Не зря в первоначальной поэзии Музы были богинями, а не риторическими фигурами, а Вяч. Иванов, например, предлагал Дионисическое вдохновение сблизить с влиянием вдохновляющего святого духа. Оставив вопрос об этичности Богов пока что в стороне, я хочу сказать, что сверхъестественная сила могла застигать поэта врасплох, овладевать им и создавать через него шедевр (пользуясь поздним словом), причем зачастую сам создатель не обладал при этом сколько-нибудь повышенными этическими достоинствами. Эта тема тревожила Пушкина, когда он создавал жадного Импровизатора, обладающего даром улавливать божественное вдохновение и тут же воплощать его в совершенные поэтические формы. С точки зрения Сальери таким же недостойным Импровизатором был, например, Моцарт (отличающийся, кстати, в основном, кристальной чистотой жизни, что не отмечено, хотя и намечено Пушкиным). Так вот – не осуществляется ли присутствие абсолютного и неизреченного в творчестве Цветаевой или Лорки – через другое окно, окно священной одержимости при помощи внесловесного ветра. Обратим внимание на то, что этот внесловесный ветер вдохновения намного тоньше и изысканнее тех слов, которые он, долетев до поэта, рождает в его душе и гортани. Что слова, которые он вызывает к жизни, во-первых, намного грубей этого источника паруса, а во-вторых, вынося слова на поверхность, этот безусловный порыв каким-то образом влияет на их эллиптическую (двухцентровую) природу, изменяет удельный вес этой природы и отношения внутренних полюсов, утончает и преобразует слова. Весь этот процесс происходит вне осмысления его поэтом в период написания стихотворения, хотя бы потому, что раскладываясь как в квадратики киноленты, проецируясь на них, создающих иллюзию времени, сам свет вдохновения расположен вне времени.

Попросту говоря, не может ли порыв вдохновения сделать для эгоцентрического (эстетического) поэта до какой-то степени задаром, ту работу, которую выполняет поэт этический через

глубинное созерцание вещей и явлений? Не может ли он на миг самого поэта сделать «святым», причем понятно, что эта «святость» (этическая безупречность) надолго не удерживается, но все же реально присутствует короткое время творчества, что и дало возможность Пушкину задуматься над тем, совместимы ли гений и злодейство.

Тон Латхауэрс пишет об одном буддийском монахе из секты «Чистая земля», который, отчаянно боясь своего несовершенства, был однажды достигнут абсолютным интуитивным знанием, что, если Будда Амида спасает достойных, то недостойных он должен спасти в первую очередь – утверждение логически необидительное, но открывшееся ему с поразительной достоверностью в виде истины.

Быть может, и в поэзии существует такой канал, через который эгоцентрический и недостойный этически поэт достигает изначальной Чистой земли и имя ему – вдохновение, огонь или дуэнде. <...>

Ваш А.

Николай Болдырев

4 марта 2015

Дорогой Андрей Михайлович, я думаю, высшая сила не будет ни у кого спрашивать совета и тем более разрешения, надо ли ей вмешиваться в те или иные человеческие дела. Каждый случай человека есть случай исключительный, и потому ничего нельзя исключить. Дух дышит где хочет, и тут книга Иова тоже нам говорит о возможности «невероятных несправедливостей», где чисто человеческая святость (близость к ней в человеческом ее уразумении) как бы презрена и даже наказана, почти обличена, выведена в парадокс. Так что и самые большие заслуги в сфере морально-этической могут не высечь ни одной искры «божественного огня», ибо не возникнет точки острого соприкосновения, но из темных родников какого-нибудь заблудшего, в смысле социально-сообщительном, сердца может протянуться серебряная или алмазная или иная антенна в немислимое и вызвать молнию прозрения, которую еще, конечно, надо воспринять, вместить в себя, вместить именно туда, где ей и место. Скажем, для меня Лорка поэт, преемствующий некое испанское народное ведовство; некое ухо древнее в нем жило. Это нам чем-то близко отчасти, я думаю, потому, что в Испании столь сильна была связь «гордой бедности» и «рыцарственного духа».

Ведь по большому счету святость есть высшая жизненная сила, скажем та, которую мы можем представить по атмосфере эдемского сада, где сексуального конфликта (ни внутреннего, ни внешнего) не было и в помине и эго в нашем смысле тоже отсутствовало и внимание было направлено на некие совершенно иные и ныне забытые модусы и модальности. Собственно, реликтовая интуиция в этом направлении и составляет, признаюсь, одну из сторон поэтической гениальности, мне интересной. Святость есть проявление той высшей жизненности, которую справедливо назвать полнокровным, полносоставным чувством бытия (не жизни только), тем чувством, что слышит (приходится говорить штампами) пульс сердца универсума (не мира только, но всей *misterium magnum*), поскольку только высший слух способен на такое слышание. Такой высший слух и есть инструмент святости, с высокоморальностью мало или вообще не связанной. Как раз в поэзии последнего века «безжизненных» проявлений словесности очень мало. Много именно очень жизненных, очень ярких, шумных, красочных и в бытовом смысле объемно-выпуклых картинок, сцен, переживаний, объемно-представимых порой до навязчивости, даже до прилипчивости, но – внебытийных. Как раз на поверхности вещей, как мне кажется, происходит неслышанно-невиданное количество нового, конвенции не застаиваются, постоянно меняются, равно и моды, так что нюансировки этих пейзажей непрерывно изменчивы и неожиданны, новизна комбинаторики здесь по существу бесконечно гарантирована. Полная иллюзия, что жизнь бурлит, и скучных книг уже не пишут. Но всё это – поверхность, хронос, «здесьшний мир», почти совершенно коллапсированный, отрезанный: от измерения атмана в нас («говоря по-восточному») или от на-

шей первой родины (говоря в традициях библейских). Однако в то же самое время (в то же самое вневремя) из «глубины глубин» идет всегда одно-единое, а отнюдь не многообразно-разное и в этом смысле новое, и, ежели оно берется в качестве эстетического, то оно «скудно». Для эстетического внимания, для эстетического человека великие тексты скучны, равно и музыка. Хотя сила соблазна в ней столь велика (и здесь Рильке прав), что в иных редких случаях ее хватает даже и на профанный слух, в силу великой ее многослойности. Симфонии и концерты Моцарта сегодня ловко приспособили для выбивания слезы десятки, если не сотни кинематографистов.

Вернусь к испанцу. Открываю наугад биографию Лорки, написанную его братом: «Федерико с ранней юности излучал неповторимое очарование человека, погруженного в нереальный (в том числе внеисторический. – Н.Б.) мир и одновременно совершенно простого и естественного». Это, я думаю, можно сказать и о Пушкине, и о Моцарте. Открытость к ведовству особого рода.

Мальчик искал свой голос,
спрятанный принцем кузнечиком.
Мальчик искал свой голос
в росных цветочных венчиках.
.....

Вот она, мелодия интуитивной трансценденции, превращающей поэта в наследника древних волхвов, называвшихся в Индии ришами, не помню, как их звали в Испании. Ведовство на каких-то глубинах связано перепутьем дорог, где в одном направлении – наша первая родина, эдемский сад, в другом – люциферизм, исполненный и жара, и страсти, и огня, и чары. Поэзия, и самая первоклассная в этом поле вполне возможна, да и представлена многими-многими именами. Здесь царство возможных тонких подмен, различных лишь на уровне интуиции, тонкого нюха. Проще говоря, человеку, живущему в двух мирах одновременно, попросту будет скучно слушать чародея сугубо этого мира, отрезанного от всего «божественного» объема. Один из моих любимых дзэнских мастеров говорил ученикам, что у истинного человека даже неистинный дискурс становится истинным. И наоборот. Но кто такой истинный человек? Я это понимаю, как человека, пребывающего в истине, то есть в бытии, где два мира вдвинуты друг в друга. Конечно, такой человек передает ритм истины своим присутствием. Он снимает покров абсолютности с текста как концепции, показывая факультативность и относительность слов в любых отрицаниях и утверждениях. Он понуждает прислушиваться к тому, что за словами. А это уже сфера настоящей поэзии.

Разумеется, миги святости случаются со многими людьми и даже не обязательно с поэтами. Но именно миги. Длитель их, разрабатывать словно это рудники – вот задача художника, заслуживающего дара трансценденции. Потому-то для меня всякий художник непременно должен однажды подойти к «теневого черте» и обнаружить рубеж, когда в нем умирает ветхий человек и рождается человек новый. Этот новый человек – человек с чувством перехода, с живым его ощущением. Когда это с тобой происходит, начинаешь ориентироваться в море поэзии, отделяя зерна от плевел, и никакой океан красот эстетического уровня тебя уже не обманет, а красавицу ты разглядишь и под самым заурядным, блеклым одеянием.

Есенин потому, на мой взгляд, и впал в безысходное отчаяние, что вдохновение приходило к нему главным образом через антенну паховой чакры. Сами по себе эти чакры священны, но им необходимо претворение. Он же износил эти энергии дотла, попросту паразитируя на них как на всецело чувственно-эстетических, данных для удовольствий. Но человек-то создан не для удовольствий, тем более поэт. Греховность Есенина (если дозволено говорить о столь щепетильных вещах) не в пьянстве, распутстве и тщеславии (комплекс, уныло повторявшийся у наших поэтов вплоть до Высоцкого и далее), а в том, что эти подростковые дела он всерьез принимал за «бегство в свободу», оставаясь глухо запертым в «здесь», в словесно-матрицированном материальном море. Киркегор верно отмечал, что противоположность греха – не добродетель, а неверие в Бога. То есть нечувствование трансценденции, не чувствование ее долга, грех одномо-

ности и потому вброс всех сил (духовных клеток тела в том числе) в чувственный восторг, в том числе в чувственный восторг стихов, и потому либо глубинная незрелость, либо трусость перед необходимостью перехода на «новую стадию», где, конечно, надо будет оставить все привычные радости, в том числе и три вышеназванные.

Тема, которую вы затронули, конечно, труднейшая, и последнюю точку в ней едва ли кто поставит. Вдохновение, на мой взгляд, явление неоднозначное. Оно не обязательно экстаз, но может быть и экстаз, тихое вслушиванием в свой атман с одновременной трансляцией его музыки. То есть, выходит, самовыражение вовсе не обязательно плоско и эгоцентрично. Важно, откуда оно идет, из какого измерения нас самих. <...>

Как очень верно сказал кто-то из православных богословов, «пребывая в этом мире, надо постоянно из него уходить». НБ.

Андрей Тавров

5 марта 2015 г.

Дорогой Николай Федорович!

Спасибо, за письмо, которое я сейчас перечитываю. В нем много мест, которые я когда-то выговаривал от себя почти слово в слово в моих статьях, что меня радует и вдохновляет. Место о перекрестках Люциферического жара и бытийных траекторий для меня особенно интересно, ибо отправляет к дальнейшим наблюдениям. Хотелось бы вывесить Ваше письмо в нашем ЖЖ. Как Вы к этому отнесетесь?

6 марта 2015 г.

Николай Федорович! Мне очень близко, то, что Вы пишете, как в последнем письме, так и в своих статьях. Переведа на более поэтический и необязательный язык, я бы выразил одну из центральных идей так, что ли – в современной поэзии, грубо говоря, присутствуют две основные техники – техника коллажа и техника витража. Коллаж прозрачен только для видения ряда слоев собственного (языкового) материала и представляет собой язык, развернутый на себя, забывший о том, что по В. Шкловскому, например, слово – факт жизни, а не языка. Витраж – это стихотворение, словно нарисованное на стекле, за которым располагается основное – солнце, звезды, сам источник всего, сама дословесная безмерность. Такое стихотворение на деле может не упомянуть о застеклости ни словом, оно ее – являет. Так закопченное стекло являет подробному рассмотрению лик солнца при затмении. Так витраж говорит не просто об истории, на нем изображенной, но – об истории, пронизанной светом солнца, а точнее – светом Бытия, изначальным светом. А.

16 марта 2015

Попытался написать Вам письмо, но оно пошло в форме, скорее, вопросов к самому себе и в результате оказалось весьма сбивчивым. Наверное, можно было бы и не отправлять, и все же я рискну, рассчитывая на Ваше великодушие.

Можно ли возвратиться в *сад Отца* после веков отпадения, веков, когда мы в себе и других этого Отца уничтожали в лице людей, зверей, самих себя и его сына, например? В чем тайна Гефсимании – не в том ли, что все разговоры о карме перестали иметь под собой прежнюю основу, что она как неизбежность была снята? Чего это стоило Иисусу и что творилось в его душе? – Вот вопросы на которые, мне кажется, у моего разума нет ответа, но которые продолжают манить, мучить и заставлять чувствовать родство со всем миром именно через те непосильные страдания в отверженности от постоянного контакта с Бытием Отца, про которую Пастернак сказал: <и был теперь, как смертные, как мы>.

М. Цветаева восхищалась тем, что Рильке не нуждается в посреднике (Христе), что он силен обойтись без него, а Яков Кротов (священник), например, пишет, что давайте будем маленькими и слабыми, как нас учил Христос. Обе точки зрения мне не близки:

Тут частичный ответ для меня в том, что каждый творит своего Христа, своего Будду, свою вселенную и, самое поразительное, что Она не возражает. Конечно же, единственный грех – отрыв от Бытия, об этом и Антоний Сурожский прекрасно писал (<единственный грех – утрата контакта с собственной глубиной>). Одно есть условие к таким <созданиям> разума, как Христос или Будда или Бытие и, на мой взгляд, оно заключается в том, что их ощущение должно располагаться вне времени. То, что располагается во времени всегда непоправимо замутнено и испорчено Роком, Фатумом, падшестью. Если я чувствую вещь или Христа вне времени и вне слова (ему, слову, как и року, туда тоже не втиснуться), тогда я имею возможность ощутить некоторый уровень подлинности, достоверности, <звательности>, которая тоже располагается вне времени, прежде слова. (Слово и возникает как ответ на эту вневременную звательность вещей мира, обращенную ко мне). Мне кажется, что и Кротов и Цветаева слишком сильно живут во времени, осуществляя свои интуиции.

Невероятное напряжение сил, о котором Вы пишете, говоря о святости после Эдема – для меня ценное и уточняющее наблюдение, требующее дальнейшего осознания. Мне, например, в течение целых периодов каждый день дается с боем, если уж речь идет о святости как устремлении и связи с Началом всего, иногда мне кажется, что все мое существо именно прелая бумага, через которую пробирается сминаящий ее призыв. На этом фоне удивительна органичность жизни Христа, не знавшего никаких <психологических> и других судорог и экстазов.

Мне кажется, что Иисус именно осуществил ту анонимность, о которой Вы пишете прекрасные слова (применительно к творчеству), меня восхищающие. Сказать Я и Отец – одно, это не выпятить себя, а совершенно – убрать себя. Тут ведь если и есть для других посредничество, то какое-то странное – до полного исчезновения, в котором все равно не затеряться. Думаю, что именно Иисус показал как обходиться без посредников, полностью нераздельно исчезая в Отце и все же <не сливаясь> с ним – вот условие для изначальной личности, которое умом не взять, но Рублев (в Троице) мне это открыл больше, чем богословие. Скорее всего, он это и предлагал ученикам – себя как полное исчезновение в Отце, как Дверь, причем, дверь открытую – пустоту. Удивительно тут то, что миг исчезновения и есть миг проявления.

Можно ли сквозь весь ужас истории (расположенной внутри каждого) придти к Дому, оставшемуся неизменным? Или сам Дом содержит что-то такое, что вечно растворяет этот ужас, отзываясь на него, быть может, поднимая его до нестерпимой красоты, но он не может не откликнуться (откликаться) на него хотя бы новым ручьем любви или слезой, что не одно ли и то же? Каббала ведь пишет о том, что Бога трогает молитва. Или ее, историю, надо рассматривать как некоторую духовную машину для отошедших от святости и служащую ее восстановлению? Невозможно: но Бога, страдающего внутри и вместе с историей знали уже греки. Выйти из истории без разрыва себя, мне кажется, невозможно. Но этот разрыв как раз и служит ее снятию, изживанию ее монолитного временного и тупого тарана, устрашающе наглядного и авторитетного для большинства жителей социума. Другое дело – <беспристрастен ли> остается при этом Эдем? – простите мне такую наивную и обусловленную словами постановку вопроса.

Я сейчас читаю Ваше эссе к восьмой Элегии и чувствую, что дышу живым воздухом. Удивительно, что мало кто способен понять, что Вы сделали для <русского Рильке>, выведя его из области <поэзии> в область жизни. Вероятно потому, что тот уровень жизни, о котором идет речь у Рильке, просто недоступен, к сожалению, большинству авторов переводов да и их читателям (знакомым поэтам, в данном случае, с которыми я иногда поднимаю эту тему).

Думаю, что Рильке жил и обитал большей частью в мире причин, о котором говорится в самом начале Дао Де Цзина, а общее восприятие загипнотизировано миром следствий. Смести этот акцент – и от Рильке ничего не останется ни в подлиннике, ни в переводе.

Николай Болдырев

20 марта 2015

Дорогой Андрей Михайлович, Ваше письмо словно бы вонзается в наш сегодняшний кровотокающий нерв. Здесь, конечно, всё решается не теми или иными «мировоззренческими решени-

ями», не постулатами, но исходной точкой силы или, точнее, той жёлтой, тем ручейком силы, которые у каждого свои. У каждого есть такой дарованный «сакральной силой» секрет, некий ключ к миру и к внемирности. В сущности, мы, взрослея, лишь вслушиваемся всё более внимательно в этот изначальный шепот, в ту «вневременность», которая все же отчуждена от истории, и живя в истории в качестве оболочки, бытийствует все же в том, где она пустотна в смысле кротости и нищеты, в смысле не искания тех ложных самоутверждений, приводящих к краху не только «научное сообщество», но и всех отдельных искателей. История не в состоянии ничего сделать с приватным существом, чья сущность не принадлежит никому, кроме того, кто создает феномен Великого Отсутствия. Есть неуловимость ни в какие сети, она-то и корректирует наш путь возможной расшифровки той «вести», которая в нас вложена при рождении, весть эта еще была потенциальной (зерно), хотя уже и хранящей все потенции.

Путей много, но нельзя сказать, какой самый истинный, поскольку ни один путь никуда не ведет (говорю штампами, но в данном случае оправданными), ведь подлинное движение вне-ременно (не объяснимо из времени) и тем более внепространственно. Принять вариант краха «эдемского дома» и нашей «сирости-брошенности» – значит пойти одной внутренней дорогой. Принять вариант чаньский, что твоя душа и твое сознание изначально чисты, изначально полны исходного света, – значит пойти иной внутренней дорогой. (Хотя в моем личном опыте они вполне естественно взаимосплетены). «Простор открыт – ничего святого!» Ибо святость изначальна, вы верно сказали – она из мира причин, истоков, корней. У Рильке было множество посредников между ним и Богом. Всё говорило ему об иномирье, всё говорило ему, что из щелей мироздания (а каждая вещь есть щель) бьет или сочится тайна, непознаваемое, мощнейший ураган сверхмерного, неподъемного (и потому смертельно опасного) Блага. Удержаться на тонком пограничье, выдержать и зовы ангелов, и кровавый натиск низинного социумного морока.

Мне кажется, Христос, после огромных духовных поражений, упадка еврейского духа, о чем свидетельство поздних иудейских пророков, дал толчок именно вненациональной потаенной жажде в человеке выбраться все же из морока следствий первородного греха. Это был указующий жест оптимизма: каждый может дать умереть в себе «ветхому» человеку (со всем его багажом и со всем накопившимся хламом) и родить в себе человека «нового», то есть начавшего осознанный возврат в эдемскую обитель, то есть назад из «мира науки», из мира, которым правит история и т.п. Разумеется, это требует полного внутреннего переворота и полного восстания против «духа времени». Потому это был и остается путь для немногих. Однако важно не это, а то, что этот путь существует, а это и есть как раз путь к свободе от греха, то есть от недоверия к Бытию. Но Бытие-то пребывает вне временных координат, в этом смысл наших попыток его касаний. Здесь точки, лежащие не на плоскости.

Пока всё. Я, конечно, перечитаю Ваше письмо и поразмышляю над ним более внимательно, там есть во что всмотреться. Мне хотелось бы осознать существо противоречия, которое Вы наметили, которое Вас мучит, осознать более тактильно-ощутимо. Спасибо за доверие. Ваш НБ.

20 марта 2015, вечер

Дорогой Андрей Михайлович, вдогонку к сегодняшнему утреннему письму. Тема тянет саму себя. Конечно, едва ли я сказал (да и могу сказать) что-то для вас новое, но, во-первых, не обязательно ведь при встречах в переулке с добрым знакомым говорить о чем-то кричаще оригинальном (собственно, даже нежелательно), а во-вторых, «банальности» всякий раз проживаются заново, как будто никого до нас не было. Как это ни покажется странным, но без истории нашего грехопадения (библейский миф) ничего не понять нам в тщетности современного человека. (Гнилость ткани, из которой шьется человек.) Святость первых людей была естественна и присутственна, абсолютно ненатужна. Они бродили/странствовали по земному саду, встречаясь иной раз с Богом и беседуя с ним так же ненапряженно и искренне-простоудушно, как с любым растением или зверем. Хотя и с особым благоговением. Так я наивно полагаю. Таков был их модус бытия. По сравнению с нашим нынешним он был невероятно внутренне энергоёмок (хотя

слово это здесь неудачно, ибо испорчено современным технологическим трюкачеством), ибо немыслимо чист от всякого мусора и психических отягощений. Эта неконфликтность сознания создавала особый модус парения, я думаю. В нашем падшем мире святость есть прежде всего выражение особого сверхмерного напряжения в чувствовании происходящего события жизни. Здесь то высшее качество желания и высшее напряжение (жажда), которые одни только и ведут к целомудрию. Здесь ищет себе выхода сверхмерная, идущая из интуитивных глубин взволнованность происходящим, непреходящее ощущение *сверхъестественной* природы всего без исключения, взволнованность эта приводит к непрерывному внутреннему блистанию. И неважно, сколько при этом собственно биологической витальности в человеке, переполнен он соками здоровья как Пушкин и Швейцер или угасает, начиная буквально с подросткового возраста, как Кьеркегор, Рильке или Симона. Здесь иные законы бушевания этой переполняющей силы/страсти. Ведь гуляя по эдемскому саду рядом с Богом (подобие), человек вовсе не подпрыгивал в нервном экстазе. Он был немыслимо прозрачно-промыт. Это был иной материал, иное вещество, хотя мы и наследуем ему в чем-то грубом, в измерении скотского.

Кстати, представив эти прогулки по саду и общение вне слов, вне интеллектуального (двоичного) дискурса (что и было чистой поэзией), мы можем как-то уже представить себе и ту особость первоначального Логоса-Ритма (Мантры), из которой некогда «пошло Всё». Тут может быть нам дан некий намек на характер этого таинственного Перворитма-Первдыхания-Первоблагословения-Первозавета.

Потому-то без понимания абсолютной важности *возвращения* на эту нашу первую родину ничего путного в искусстве быть не может. Лишь шум и чехарда подросткового уровня.

Удивительно, что вот прямо сейчас прочел замечательное наблюдение о. А. Шмемана: «... Таким образом, таинство покаяния – это *возврат*, это возвращение, путем раскаяния в «новую жизнь», уже данную, уже явленную...» Прямо в яблочко. Христос призвал к творчеству возврата на первую нашу родину, в сад Отца. И подкрепил своими обетованиями. Слабым это нужно. Нужно ли это сильным? Взрыв силы во Франциске был ли обусловлен исключительно образом Христа? Судя по биографии, нет. Юноша внезапно открыл для себя бедность как кардинальное свойство Бога, как измерение, которое (будучи взято и явлено в абсолюте) странным образом касается эдемского. Это его пронзило, и бьющая из него жизненность преобразовалась в бытийство. Ваш НБ.

Андрей Тавров

12 ноября 2015 г.

Дорогой Николай Федорович!

Ваши листочки (фрагменты из моих «Записок гиперборей», полностью так и не опубликованных. – Н.Б.), вначале показавшиеся мне грубоватыми, произвели на меня очень сильное впечатление. Вы один из немногих людей, который позволяет себе говорить правду, не оглядываясь на то или иное мнение, а на сегодня для этого нужно большое мужество. Такое мужество кроется в опоре на силу, большую, чем та, на которой стоит сегодняшний социум. Такое мужество заразительно и вдохновляет. Перечитав листки Гиперборей, я понял, что они никого не могут по существу задеть, тем не менее, заденут. Ибо есть некоторое культурно-обусловленное соглашение участников лит-процесса, по которому слово плебей рядом с Бродским это хуже, чем оскорбление собственной мамы)). В обычае современного человека отождествлять «себя» с некоторой системой приоритетных ценностей, а не с неизменной собственной глубинной природой, и в силу этого, такие оценки звучат для них как посягательство на собственную жизнь в прямом смысле, несмотря на дальнейшие разъяснения по поводу того, что это относится (определение плебейства) в той или иной степени и к автору, по его словам. Ваши наблюдения – это расшатывание дурной магии, которая обладает гипнотическим действием на членов современного культурного сообщества. Меня тоже упрекают в «религиозности», имея в виду, что правильно писать сегодня

– это вообще обходиться без намека на слово Бог, Бытие, Источник, к которым в стихах я обращаюсь, впрочем, редко.

Не сговариваясь, смотрю на лица в метро, вглядывающиеся всем вагоном в мерцающие экранчики – с оторопью. Такое ощущение, что внимание, доля которого требуется хоть для того, чтобы задержаться на дереве или фразе из книги, отобрано как вид энергии и перенаправлено в нужную для матрицы отводную трубу. Картинка с одной стороны юмористическая, с другой – страшноватая.

Ваша идея пограничности и баланса мне очень близка, и конечно же ничего нельзя раз и навсегда. Вообще ничего, по-моему. И только в этом балансирующем мужестве быть, всей силой принимая все новые болезненные вызовы и есть залог жизни, отвечающей на тихий призыв Высшего, если уж выражаться высокопарно.

Идея анонимного письма, мне кажется, невероятно ценной, но хорошо бы понять, как следует, природу такой анонимности. Письмо *как бы никому*, мне кажется, это только предварительный подход к делу. Потому что он отрицает важнейший духовный принцип – служение. Мне предложено передавать то, что хочет через меня (любого, хорошего или плохого, сильного или немого) на сегодня передать другим людям Высшее. Я проток, а не озеро, пусть даже анонимное. Моя истинная анонимность в том, чтобы забыть о себе, передавая. И тогда я получу новые силы к следующим работам такого рода. Я, исчезнувшее в такой передаче, и есть внутренняя анонимность. Поэтому можно вполне писать, адресуясь к неведомому читателю, и даже к ведомому, в процессе этого письма, растождествляясь с эгоцентризмом и предполагая, что обретаемая в нем (письме) терапия коснется и читателя. Зная, что это не моя заслуга и даже не ведая, каким образом это осуществится.

Ваше одиночество, а я думаю, что у человека, занимающегося тем, чем Вы, его не может не быть – невероятно плодотворно, потому что разделено с «одиночеством Бога». Еще раз спасибо Вам за Ваше бесстрашие и заряд бодрости, который я почерпнул из Вашей «Гиперборей». Если Вы не возражаете, я перешлю эти страницы Марианне Ионовой.

На связи,

Андрей.

И вот еще – мне кажется, на глубине глубин этика и эстетика нераздельны, и, если эстетика не забыла своего кровного родства, то она может даже и преобладать у художника, во всяком случае внешне, а внутренне уходить, ведя за собой, желающего, к тому пространству, где красота и правда сплавлены в Софию-Мудрость. Это, естественно, не императивы, а некоторые личностные на сегодня утверждения, на которые мне можно опереться. Что касается манипуляций с эстетическим и только с ним – это, конечно же, духовное плебейство, и я не раз говорил об этом на вечерах, где современный «прогресс» письма выдавался за единственную правду искусства, и докладчик как будто забывал, что этому «искусству» срок – с утра до обеда, а предшествующее жило, накапливая прозрения веками и тысячелетиями.

23 декабря 2017 г.

Дорогой Николай Федорович!

Когда речь идет о все более жесткой ориентации на внешнюю и воспроизводимую «красоту», у меня нет никаких сомнений по поводу Ваших определений в ее сторону. Более того, Ваша позиция, благодаря ее мужественной стойкости, меня вдохновляет, ибо стойкость я наблюдаю сегодня по поводу совсем других вещей.

Понятно, что люди, постоянно повторяющие фразу «красота спасет мир», давно уже не понимают, о чем идет речь, да и понимания нынешний социум не требует даже в мире литературном – достаточно воспользоваться подходящей цитатой как средством для подтверждения своей правоты. «Исправления слов» не произошло, и, думаю, те времена, если и были хоть в какой-то мере, то прошли и вряд ли вернуться в качестве доминанты. Впрочем, я надеюсь, что они происходят и сохраняются в отдельных личностях, если можно так метафорически выразиться.

Я хотел бы поделиться с Вами одним своим глубинным переживанием. Еще со времен СССР люблю бывать в Сергиевом Посаде и время от времени туда приезжаю. В Троицком храме, как Вы знаете, покоятся мощи преподобного Сергия, и рядом с ними я несколько раз испытывал глубокие и неуловимые откровения. Каждый раз это бывало совершенно неожиданно. Года два назад, когда мы с женой приехали в Лавру и зашли в храм, я неожиданно для себя в какой-то вневременной отрезок увидел суть русской красоты, суть ее, России, глубинной культуры, вернее, света, ее преобразующего и ее образующего.

Это было настолько невероятно, настолько утонченно, настолько живо – ничего подобного, ничего похожего я никогда не чувствовал в качестве ауры или духовного истечения от других великих культур мира. Собственно, я сейчас пользуюсь словами, не выражающими смысл, а указывающими на него. Это сверкнуло и – осталось в душе, думаю навсегда. Это «послание», невероятно концентрированное, многое мне объяснило по поводу русскости и ее внутреннего наполнения. Эта красота была живой, действенной, беззащитно-непобедимой. Нестерпимо прекрасной, невероятно тонкой, тончайше простой, утонченно-светящей. Тонкая Европа с ее великими замками и поэтами казалась грубоватой рядом с тем, что явилось мне на миг как русское в своей глубочайшей сути. Кажется, я не выдержал этой близости и заплакал.

Я, вообще, не очень большой любитель логики и философствования, и многие вещи до меня доходят крайне трудно и медленно. Вероятно, поэтому меня ведут по смыслам жизни такие «телеграммы», в которых многое просто очевидно и постигается не через рефлекссию, а напрямую, как в детстве.

Мне кажется, что такая красота присутствует в каждом человеке, просто не все ее видят. Но без нее мы пропали бы. Это, впрочем, уже и не красота, а собственно «красота» – лишь следствие ее, этой глубинной жизни, наличности. Наверное, это переживание или похожее на него и побудило греков сформулировать свое определение этического идеала, как благо-лепия, калокагатии.

Мне нравится статья Аверинцева, в которой он пишет о понимании красоты русскими, приводя характерную легенду о том, что религию на Руси выбирали по признаку красоты, отдав в результате предпочтение пышной православной службе. Там же он упоминает о русской интуиции, которая звучит так: красиво, значит истинно. И мне кажется, что в этом есть своя правда. Ведь «лифт восприятия» ходит у почти что любого человека, достигая в некоторые мгновения и тех этажей, из которых видно небо и горизонт, в отличие от того, что открывается в подвале, в котором многие из нас проводят основное свое время.

Разве невозможна красота в природе или в человеке как форма богооткровения?

Я думаю, что в устрашающем потоке «жестко-красивых» форм, способность встретиться с красотой тонкой и божественной людьми все же не утрачена, хотя и переживает жесточайший кризис.

Истинная великая красота живет чаще всего в ранах, в убожестве, в «пресности», которую предпочитали китайские писатели. Но и через литературу, даже иногда не очень «духовную», нет-нет да и блеснет. Собственно, живет она, конечно же, в самом человеке, но есть слова и ситуации, к ней ведущие, ее активизирующие. Мне кажется, что одной из форм постижения живой красоты как откровения Бытия, была ситуация катарсиса, которая, начинаясь от мистериальных святых переживаний, прошла через греческий театр и в театр европейский и даже в литературу Европы. Сейчас и катарсис тонет в потоке бессмысленной и кричащей информации, ведь для того, чтобы противоречия обрели мучительную силу и потом блеснули молнией постижения всего сразу (когда сильнее, когда глуше), нужно время, для того, чтобы накопить эту энергию, разряжающуюся во вневременную вспышку познания. Такого времени и такого внимания сегодня почти что ни у кого нет.

Тем не менее, духовные пути неисповедимы, и иногда великие кризисы вели к обновлению, исцелению... хочется верить, что такая возможность все еще существует.

Простите, что так много написал, а до обещанной темы личности так и не добрался.

Конечно, хотелось сказать и несколько слов о возможности на первый взгляд недуховной поэзии и прозы все же выражать невыразимое, как это было у Рембо или в повести Грэма Грина

«Сила и Слава», а иногда и в простых до слез стихах Жуковского. Мне кажется, что Хемингуэй для меня, с его описанием сада после дождя, проявил Бога не меньше, чем некоторые действительно духовные стихи. Тут мне близко определение Вл. Соловьева о том, что прекрасное это ответ и пребывание Царства, небесного Рая на Земле; абсолютного и полного – в искусстве мира конечных вещей. Но, может быть, об этом в следующий раз. <...>

Ваш Андрей Тавров.

19 марта 2018 г.

Дорогой Николай Федорович!

Вчера читал в одном видео-проекте (сайт журнала «Комментарии», будет готово через месяц-другой) стихи Рильке в Вашем переводе. Обратил внимание на сильное расхождение с вариантом З.А. Миркиной, в частности, в цитируемой мной строке – «красоте так легко нас разрушить», контрастной по настроению благостно вспоминаемому высказыванию Мышкина по поводу того, что красота спасет мир. Мне с моим полным незнанием немецкого невозможно заглянуть в немецкий оригинал, но Ваш вариант меня тревожит (в хорошем смысле) и убеждает больше, чем вариант Миркиной, где речь идет о Бездне. («Ангел вводит нас в Бездну»). Красота, действительно бывает нестерпима, я помню несколько таких ситуаций из своей жизни, и она же – целебна. Говорил также о красоте идущей от Бесформенного (внутренней, духовной), и красоте, идущей от знака, протезируемой, созданной людьми по уговору. Кстати, об этом еще очень давно заговорил Аверинцев, сопоставив слово-вербум, западное слово, которое сейчас стало знаком, и слово-логос (греческое и русское), как раз то, что Вы называете словом-намеком.

Вот еще что. Я убежден, что поэзия сама по себе обладает даром прикосновения к богам, к Источнику той самой внутренней красоты, это, так сказать встроено в ее древний «механизм», ее божественную функцию, о чем, как мне кажется, размышляя о Гельдерлине, заговаривает Хайдеггер. З.А. Миркина недавно опубликовала довольно внушительное опровержение моим взглядам, и я, подумав какое-то время, ответил на это большой же статьёй, которую вскоре опубликует тот же журнал. Мне кажется, что как есть *Путь чая* или *Путь самурая*, так есть и *Путь поэзии*, и если его пройти серьезно до конца, то выйдешь к Прикосновению, делающему стихотворение Живым. В этот процесс входит и владение техникой, поэту, как и самураю или мастеру чая знание секретов ремесла необходимо. <...>

Сейчас гулял по парку с синичками и белками. Снег днем тает в сильных лучах солнца, несмотря на минус. Надеюсь, что и до Ваших мест весна добирается в лучах солнца и капели, и хорошо бы – в радости и мире.

Ваш А.

19 мая 2018 г.

Дорогой Николай Федорович!

Для меня большая радость узнать, что Ваш Рильке вышел отдельной книгой. Пускай они сокращают и режут, что всегда больно и мучительно для автора, но я убежден, что на сегодня это, возможно, лучшее о Рильке и не только на русском языке, и конечно же, постараюсь купить книжку в ближайшее время. Люди с философским образованием, считают, что им все по плечу в смысле восприятия сложных книг, но им никогда не дается, на мой взгляд, та простота созерцания, та смиренность, при которой вещь открывает себя, как и дерево, и небо, и ангельское пение (сокрытая для обычного уха музыка). Сегодня после некоторых трудных событий пошел относить квиток за воду и по дороге увидел гроздь сирени над головой, и все дело было в том, что они смотрят *так*, и что они в каплях, и в каждой капле есть и сирень, и ты, и все остальное, и это – родное, и это – та музыка, которая идет к душе, минуя ушную раковину. Какое чудо под боком! В том, что в нас вложено, чтобы сирень нас увидела, какое тишайшее чудо! (Кстати, пишу постфактум, интересно, что Беньямин давал определение ауры вещи как состояния, когда *вещь тебя видит*). Если б я шел и думал о Канте или об Агамбене, или о том же Беньямине, то вряд ли

бы я увидел то, что увидел. А то, что трудность, с которой я столкнулся, вызвала нужду общения и после – простоту общения с другом и переход от оперативного ума к смирению, открыло мне вход к сирени.

Большой спасибо за посылку с Вашими стихами – у меня лежат две Ваши зеленые книжки («Мост»), одна из которых совсем развалилась от употребления, и я купил вторую. Время от времени я их перечитываю, мне это нужно и важно. Послесловие о стихах, Ваш манифест, тоже крайне интересно и толкает к диалогу, к размышлениям.

Спасибо,
Ваш Андрей.

Николай Болдырев

28 мая 2018 г.

Добрый день, Андрей Михайлович! Вчера вечером просматривал ту стихотворную книжечку, которую Вам послал, и обожгло ощущение ненужности её распространения. Это такая районная самодеятельность; давно потерявшая всякий смысл эксплуатация слова «бог», как и многих прочих. И, размышляя о причинах такого рода графоманства, я подумал, что, вероятно, необходимо изойти словами, чтобы убедиться в их тщетности. Вновь и вновь пускаться в предприятие, заведомо обреченное на поражение, ибо это такая редкость, когда кто-то вылупляется из слов. Мне даже подумалось, что быть может вообще вся культура в целом есть не что иное, как выработка потенциала тщеты, отчасти с целью постижения человеком границ этой тщеты. Вполне вероятно, что вся культура – это строительные леса. Однако трудно предположить, чтобы Мировой Орел не наслаждался третьим концертом Рахманинова или 32 сонатой Бетховена, когда они дошли до его слуха. Есть ли у Мирового Орла свои строительные леса? Иные строительные леса, быть может, становятся собором или даже новой галактикой. Какой фантастический размах игры! Н.Б.

Андрей Тавров

28 мая 2018 г.

Дорогой Николай Федорович! Сегодня я размышлял на ту же тему. Выбрался в Новодевичий к могиле Соловьева, там же недалеко А. Белый. И стоя перед темной Богородицей пережил что она касается меня, моей души, входя в глубь безусловными слезами, и при этом не нужны ей слова, сноски, пояснения и уточнения, потому что этой великой простоте нечего пояснять и прояснять, потому что она – такая. Вот такая, так. Однако это и явление культуры, которое помогает сформировать пространства Встречи. А потом стоял с колокольчиками, которые кто-то посадил на могиле Соловьева, и тоже было просто, как у иконы.

Культура, создающая пространство возможной Встречи... она нужна и прекрасна. Я прочитал сегодня первые страницы Вашего Рильке и они начали мой день, сделав его вдохновенным. Уверен, что тот же потенциал таится и в книжке Ваших стихов, за которой завтра иду на почту. Это не просто слова, конечно, это жест, указание, след Единого.

Ваш Андрей.

14 октября 2018 г.

<...> Спасибо Вам за содержательное и открытое письмо. Мне кажется, вы нашли удивительную тонкую формулу про смысл полемики – обмен исповедальностями. Это ведь и есть поднимающий смысл диалога на фоне большинства диалогов, опускающих уровень общения. Образ с кирпичом, действительно, ближе всего к коану – статьи и эссе из книги писались в период некоторого «штурма и натиска», связанного со становлением проекта, в котором я тогда принимал в течение нескольких лет активное участие, возлагая на него большие надежды, отчасти оказавшиеся ложными, но не прошедшие без пользы. <...>

28 декабря 2018 г.

С большим вниманием дочитываю Вашу работу об «изгнании в язык», переживая мгновения радостного сродства интуиций и раздумывая над теми абзацами, которые вызывают труд понимания или стремление уточнить сказанное. То, что язык сделался ловушкой, для меня совершенно очевидно, и столь точная подача аргументации этого обстоятельства мне в Вашей работе бесконечно близка. Но вот, например, ситуация с Евангельским Логосом у Иоанна требует, на мой взгляд, прояснения. Скорее всего, и это ясно просто из соображений здравого смысла, не мог иудей Иоанн быть знаком с тем, как понимали это слово досократики. И если Хайдеггер и реконструирует его в прежнем варианте как Бытие, то бывший рыбак Иоанн, конечно же, воспользовался современным себе его значением и пониманием как именно что – сущностного слова, смысла, деяния, тем более, что для верующего иудея той поры, которым он отчасти оставался, Божье слово (Логос) неразрывно с делом, и носит не философский характер и смысл, а, скорее, очень грудной, сердечный, трепетный по восприятию, вызывающий возвышенный страх, священный.

К тому же мне кажется, что ситуация со смыслом слова «Логос» в начале четвертого Евангелия прояснится, если мы вспомним высказывание Мейстера Экхарта: «В тишине Отца Бог произносит свое Слово». И здесь речь идет как раз о невозможности «произнесения», выговаривания Божественного Слова (Логоса) вне абсолютной бытийной Тишины, потенциально вмещающей все возможное и невозможное – одно без другого (Слово без Тишины и наоборот) не может существовать, если так можно выразится. Это, как мне кажется, очень близко к тому, что Вы говорите про чаньское слово, находящееся на границе слова и молчания.

Речь ведь идет не о том, что слово само по себе плохо, а о том, что оно плохо, когда оно «пало», заболело и к тому же тянет одеяло на себя, что является следствием больного состояния человека и человечества, в котором оно, человечество, оказалось не только в последнее время, а еще при Лао-цзы, и думаю, раньше. Ведь удивительный мудрец прибег же к языку и даже к письменному языку для выражения своего состояния в бытии – но в его исполнении это были «здоровые» слова, как раз пограничные, как раз указующие на большее, чем они, на неразрывность иероглифа с той тишиной, откуда он возник.

Ведь одно и то же слово, допустим, «человек», будет больным в устах менеджера и здоровым, т.е. совсем другой природы в устах Иисуса, например, или Чжуан-цзы.

В первом случае оно будет ловушкой, куда условный менеджер попал сам и загоняет свой персонал, а во втором – указанием на сущностное значение человека, эхом его глубины.

И большие поэты знают слово из тишины, и не раз свидетельствовали об этом чуть ли не прямыми высказываниями. Т.е. у больного духом человека, в его устах и здоровое слово заболевает, а чистый духом исцеляет и заболевшие слова.

Думаю, что эти заметки не противоречат основной идее вашей статьи, за которую я Вам в высшей степени признателен, во всяком случае, так дело обстоит для меня.

Счастливых Вам наступающих праздников, их, можно сказать, изреченной и безмолвной сути!

Ваш АТ.

24 апреля 2019 г.

Вечерние дети

Вечерние дети еще не погасили последнего златоалого ствола.

Солнце падает в собственные ладони в попытке к ним прикоснуться.

Ах, они все играют и прячутся – нетленная серебряная зола

замечталась на их плечах, чтоб никогда не очнуться.

Ясноокие вечерние дети, запах розы да крик перепелки...

Вот он спрятался. Не найдет на свете его больше никто.

На шумящей-шуршащей горе сторожат золотые волки.

В воздух взлетает мяч – голубеет, как ангел со скрипкой или латаное-заланное пальто. Вечерние дети, благословите, опускаясь за веки, внимая каждому звуку. С крыши течет асфальт – кличит: «Домой!», но никто не вернется. Между вечерних стволов босоногие убегают в бухту, где стоит, покачивается высокий корабль тишины да лиловый архангел вьется. Вечерние дети перепутали стволы, пол отсутствует вовсе. Сады для скитальцев бьют хрусталем родников, новым чудят материнством, дети в порфире воздевают руки: синие, тихие срываются ангелы с пальцев. Вечерние дети летят и смеются, разбивая бесшумно сердца в золотом эфире.

Николай Федорович, читая те абзацы книги «Изгнание в язык», что посвящены «струению», вневременной процессуальности, Ваших присутствиях в беседах отца с друзьями в последней статье, на мой взгляд, удивительной (слова о непосильности любви для человека, весь рассказ о «школьной любви»), я вспомнил, что однажды хотел описать опыт, похожий на тот, о котором Вы так глубоко пишете, а вернее, к которому отсылаете. Я сделал это в романтическом ключе, мне тогда свойственным, но все же что-то, кажется, удалось передать.

26 апреля 2019 г.

Дорогой Николай Федорович!

Спасибо за добрые слова о моих стихах. Я сегодня как раз шел по улице (у нас первые листья и очень жарко) и вспоминал, какими живыми и слова, и имена были в детстве, как и вообще все немногочисленные вещи, которые меня тогда окружали – у каждой была бесконечная душа, которая нигде не начиналась и нигде не кончалась – и у кота, и у дерева за окном, и у ковра на стене, узоры которого я знал наизусть. Думаю, что это детское восприятие меня до сих пор поддерживает, ограждая от сплошной иронии. Я бы с большой радостью прочитал то, что Вы написали по поводу «Проекта».

Вчера смотрел фильм, посвященный Тарковскому, съемкам «Жертвоприношения» и испытал редкое чувство – успокоения, пришедшее на этот раз не от его фильма, а каким-то другим образом, просто при соприкосновении с его миром. Я долго не хотел смотреть этот документальный фильм – какие-то досадные мелочи мешали: то воспоминание о «капризном тоне» его интервью, то заметка одного поэта по поводу того, как он там матерится, когда узнает, что камера была неисправна, и т.д. И вот магическое чувство, когда все, что в отдельности было неприятным и вызывающим отторжение, собралось вместе со всем остальным, и все эти детали, которые мешали просмотру, во-первых, ушли совсем далеко, во-вторых приобрели совсем другой смысл в этой цельности, которая там стала просвечивать с первых же кадров и которая, конечно же, была дана Тарковскому как дар. У Вас наверное был опыт наблюдения за тем, как какая-то вещь, высвечиваясь, полностью меняла в своей цельности весь предыдущий и поверхностный смысл, который казался гипнотически однозначным. Как же прекрасно, что Тарковский возвращает наблюдателя именно в эту точку. Мне правда приходилось то, что он говорил о времени, переводить с его языка на свой, но и это не особо препятствовало радости. В его понимании, как я Вам уже писал, мне очень помогли Ваши работы.

Умер Тик Нат Хан, книги которого я очень ценю и с учеником которого, Борисом Орионом, практикующим дзэн-буддизмом, я встречался на медитациях в Москве. Именно он мне порекомендовал прочитать работу Тик Нат Хана «Христос и Будда». Сколько же светлых людей мне послал Бог в жизни!

Ваш Андрей.